

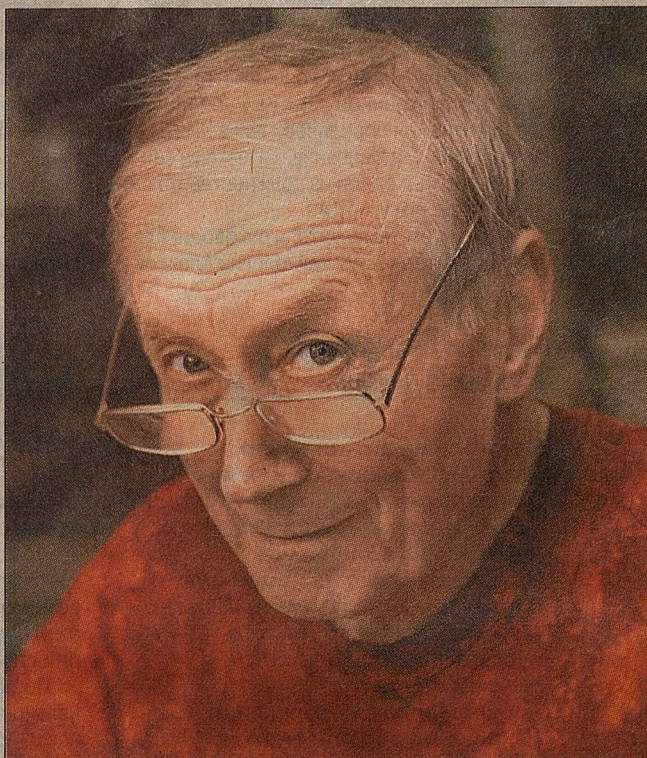
Евгению Евтушенку

12.12.05.

— Гость «НИ»

Поэт *Новые известия - 2005 - 12 дек - с. 1, 5.*

Евгений ЕВТУШЕНКО:

АНАТОЛИЙ МОРОЗОВ

«Скука – мать фашизма»

Андрей Морозов

Известный российский поэт, один из самых популярных шестидесятников и автор «Новых Известий», нечасто балует москвичей своими выступлениями. Послезавтра состоится его вечер в Концертном зале имени Чайковского.

О том, что волнует поэта в сегодняшней жизни страны, о своем поколении и о современной молодежи, об американской и российской жизни Евгений ЕВТУШЕНКО рассказал «Новым Известиям».

— Евгений Александрович, вы бываете у памятника Маяковскому?

— Очень часто там бываю, даже свидания там назначаю... (Смеется.). Деловые, разумеется.

— Не смущает, что теперь молодежь около Маяковского не стихи читает, как это было во времена вашей юности, а пиво пьет?

— Это сейчас везде происходит. Ребятам просто некуда деваться — у нас так мало молодежных клубов. Об этом никто не думает, а все эти искусственно создаваемые организации, куда полузагоняют-полузаманивают, — это бесстыдное использование невостребованной молодежи, создание для нее видимость общественной жизни. Но я и молодых не оправдываю за их пассивность. Почему они позволяют, чтобы старшие дяди организовывали для них проявления гражданственности, а не сами ее проявляют без всякой подсказки? Где подсказка, там и указка... Молодежь надо просвещать, а не зомбировать.

— Вы, наверное, знаете, что 4 ноября в Москве прошли демонстрации с фашистскими лозунгами. Спустя несколько недель мэрия запретила антифашистские митинги, сославшись на то, что будут созданы неудобства для москвичей. Как вы считаете, это тенденция?

— Надеюсь, что нет, и надеюсь надеяться. Чиновники, скорее всего, просто испугались и не знали, что делать, если два противоборствующих движения сшибутся. Конечно, надо, чтобы на улицах был порядок.

Окончание на стр. 5

Евгений ЕВТУШЕНКО: «Скука — мать фашизма»

Окончание. Начало на стр. 1

Но разве фашистские лозунги на улицах в столице победителей фашизма — это поря-док? Позор стыднее неудобств. Тем не ме-нее почему те, кто хотел устроить антифа-шистскую демонстрацию, так легко сда-лись, не добились разрешения? Почему на-ша молодежь не показала гражданскую энергию, а оказалась такой робкой, неспо-собной к противостоянию, равно как в этом случае в Москве, как и в случае убийств их ровесников — иностранных студентов в Во-ронеге? Какой же это патриотизм — убий-ство гостей? Уверен, что не все те молодые, кто сегодня надевает на рукава свастики или что-то на них похожее и тусуется в день рождения Гитлера, делают это потому, что они убежденные фашисты, а от скуки. Ску-ка — мать фашизма.

— Только она?

— Скука тоже. Энергии у молодых мно-го, и надо куда-то ее девать. Поэтому протест и принимает такие уродливые формы. Нельзя оправдывать скукой ни отрезок во-допроводной трубы, ни заточку в неандер-тальской руке, ни крик «Россия для рус-ских!». Что же мы сделаем с эфипокой кро-вью Пушкина, с шотландской кровью Лер-монтова, с турецкой кровью Жуковского, с татарско-итальянской кровью Ахмадули-ной, с грузинской кровью Окуджавы, с не-мецкой кровью Блока, с татарской кровью автора русской народной песни «Во поле березонька стояла», с еврейской кровью стольких композиторов и поэтов лучших пе-сен Великой Отечественной и опять же с русско-украинско-белорусско-польской-немецкой-латвийской и — о Боже! — опять татарской кровью Евтушенко!

Не думаю, что наша молодежь насквозь националистична. Но элементарная мо-ральная безграмотность пугает, да и просто безграмотность в самом прямом смысле. Морально и культурно безграмотных легко натравить на кого угодно. На моих глазах людей, никогда не видевших Михоэlsa на сцене, не читавших Пастернака и не знав-ших, кто такой Сахаров или Солженицын, наускивали на них. Многие не знают ни ис-тории, ни литературы. Но в России-то ее ис-тория и литература неотделимы от совес-ти. Поэтому необходимость настоящей ли-тературы сейчас возрастает, ибо «слава Бо-гу, есть литература — лучшая история Руси».

— 14 декабря вы будете выступать в Москве, в Зале Чайковского. Будете но-вые стихи читать?

— Я никогда перед выходом на сцену не составляю никакой непоколебимой про-граммы — я же никакая не партия, «сплочен-ная туга», а живой человек, да еще и такой профессии. Импульсивность, импровиза-ционная, лихорадка неуверенности в се-бе — качества, которые могут быть проти-вопоказаны при некоторых профессиях, по-эту необходимы.

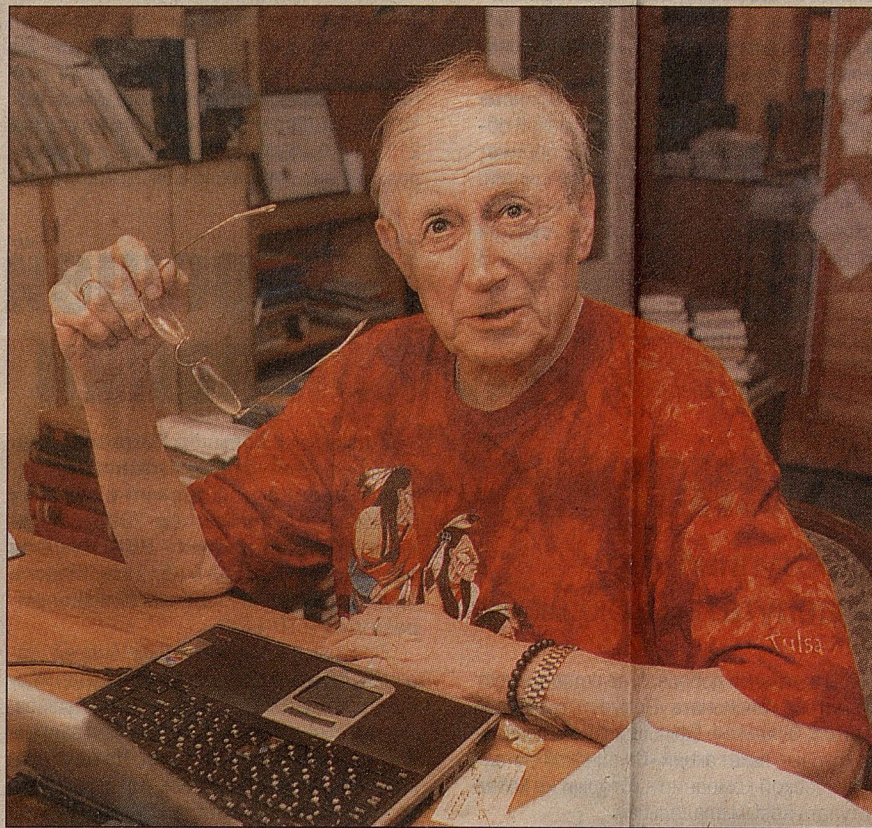
В книжке, которую я выпустил в этом го-ду, «Памятники не эмигрируют», почти все стихи написаны уже в XXI веке, и многие да-же помечены этим годом, а страниц там че-тыреста с лишним. Эта книга моих до-ис-поведей. Я, например, раньше никогда под-робно не писал о моей первой женщине на Алтае, о моей любви с молодой американ-кой в разгар «холодной войны», когда мы прорвались как Ромео и Джульетта капита-лизма и социализма сквозь все запреты и сети с двух сторон.

Предполагаю все-таки, что эти стихи обязательно прочту, да и мало ли что я мо-гу еще написать в самый последний мо-мент перед концертом. Поэтому моих кон-цертов всегда боялись и побаиваются большие бюрократы и никогда на них не ходили и не ходят. На всякий случай. Я во-обще больше всего не люблю две катего-рии: бюрократов и снобов, и они мне от-вечают взаимностью, ведь снобизм — это вид бюрократии. А вот Шостакович, Саха-ров, Ландау, Капица, Неизвестный, Шемя-кин, Высоцкий, Пабло Неруда, Сальвадор Альенде ходили.

Но самая главная моя аудитория — это, конечно, совсем не знаменитые люди: сту-денты, школьники, рабочие, инженеры, учи-теля, врачи. Только что состоялся мой ма-рафонский, почти четырехчасовой, концерт для двух тысяч зрителей в оклахомском го-роде Талса.

— После московского выступления собираетесь и в российские дальние ре-гионы?

— Да разве существует сейчас понятие «дальние регионы», в эпоху Интернета? Я действительно буду много выступать по России в декабре — и в Екатеринбурге, в том самом кинотеатре на две тысячи мест «Ко-смос», где в ранних восьмидесятых устано-вил личный рекорд, дав три сольных кон-

Евгений ЕВТУШЕНКО родился 18 июля 1933 года на станции Зима Красноярской области (ныне город в Иркутской области). Постоянно печатается с шестнадцати лет. В 1951–1954 годах учился в Литературном институте им. М. Горького. Член Союза писателей СССР с 1952 года. Автор сотен, если не тысяч, стихотворных, прозаических и публицистических произведений. В фильмах «Детский сад» (1984) и «Похороны Сталина» (1990) выступил как режиссер и актер. Лауреат Государственной премии 1984 года за поэму «Мама и нейтральная бомба». Был депутатом последнего созыва Верховного Совета СССР (1989–1991). Женат. Имеет пятерых сыновей. Последние годы живет и работает в США. Преподает в американских университетах русскую поэзию опираясь на свою антологию «Десять веков русской поэзии», над которой работает последнее десятилетие и главы из которой печатаются сейчас в пятничных номерах «Новых Известий».

церта в один день, и в Челябинске, и в Ниж-нем Тагиле, и в Рыбинске, затем в Набереж-ных Челнах, Нижнекамске, Казани. А позд-нее собираюсь в Брянск — первый русский университет, который удостоил меня ман-тии почетного профессора, после десятка зарубежных.

— Вам не кажется, что сегодня высо-ты захватила попса — она в музыке, в ли-тературе, в политике?

— Совершенно верно. С этим надо бо-роться. Только вот не надо во всем обви-нять попу. Мы, писатели, сами виноваты в том, что оказались на маргинальном поло-жении. По-моему, весомость нашего сло-ва в данный момент настолько незначитель-на, что даже КГБ сейчас до нас нет дела, а бюрократии и подавно. Нас, писателей, давно никто не боится. Журналистов боят-ся больше чем нас. «Васькизм» от выраже-

ния «Васька слушает и ест» процветает, по-ка мы что-то робко вякаем. Не пора ли нам задуматься, почему так произошло?

— Вы сейчас преподаете в американ-ском университете русскую поэзию и русское кино. Насколько большой инте-рес к вашим лекциям?

— Когда лекции были открытые, то на них записывались более ста человек. Теперь мне поставили лимит — сорок человек. В американских вузах есть такое правило: ес-ли профессор не набирает восьми студен-тов, то ставится вопрос о его увольнении и никакой профсоюз не поможет. Есть пред-меты, на которых не должно быть много сту-дентов. Например, язык. Если на лекциях по языку слишком много студентов, то он девальвируется. Мне сказали, что я неволь-но оттягиваю студентов — они же сами рву-тся на мои лекции! — у других профессоров. Поэтому решили, что у меня будет лимит сорок студентов, но еще десять наиболее способных я могу набирать по своему ус-мотрению.

— Почему вы преподаете именно в Америке, а не Европе?

— Потому что я многому научился у Аме-рики ранних 60-х годов, где кипела тогда бурлящая жизнь, борьба против расизма, против милитаризма, против бюрократии, в которой принимала участие вся передо-вая интеллигенция США, в том числе и пи-сатели. Я увидел двухмиллионную демон-страцию в Нью-Йорке против войны во Вьетнаме, когда в одной колонне в обним-ку шли Артур Миллер, Бенджамин Спок, Мартин Лютер Кинг и свои песни пели тог-да еще совсем молодые Джоан Байез и Боб Дилан. От сих пор у меня перехватывает горло от волнения, если я слышу великую песню We shall over come — «Мы победим, придет день, когда мы победим...» К сожа-лению, эта песня сейчас стала забываться и в Америке, но я всегда напоминаю ее мо-им американским студентам.

Я впервые воочию открыл для себя, ка-кую силу представляет протест. Я написал в 1968 году после вторжения брежневских танков в Чехословакию впоследствии: «Единственный прогресс без горьких жертв ненужных — протест, протест, протест — ору-жье безоружных». Это было и об Америке, и о нас. Не случайно наша цензура долго не хотела пропускать мою двунаправленную поэму «Под кожей статуей Свободы», а по-

том замечательный одноименный спектакль Юрия Любимова на Таганке. Если бы поэму не прикрыл своей вступительной статьей Константин Симонов, не видать бы свету бе-лого. Я вообще стал с той поры именно дву-направленным поэтом — против бюрократии и капитализма, и социализма. Поэтом меня полюбила молодежь и у нас, и там, и в то же время не любили снобы и жлобы. Мои многие стихи «Письмо Есенину», «Тан-ки идут по Праге» ходили в нашем самизда-те, а стихи на смерть американской студент-ки Аллисон Краузе, застреленной во время разгона студенческой демонстрации, раз-брасывались в США, как листовки. В наших газетах писали о преступлениях американ-цев во Вьетнаме, но гораздо меньше писа-ли о том, какая борьба идет в самой Америке против этой войны. В сущности, ведь са-ми американцы остановили войну во Вьет-наме благодаря этим огромным демонст-рациям и противодействию этой войне.

В моей поэзии протестный дух появ-лился гораздо раньше моих иностранных поездок — в 1955 году я написал «Границы мне мешают. Мне не ловко не знать Буэ-нос-Айреса, Нью-Йорка. Хочу шататься, сколько надо Лондоном, со всеми гово-рить — пускай на ломаном». У нас же не бы-ло никакого туризма — ни к нам не ездили, ни мы к ним. Советский Союз был закры-той страной. Разве вот что фестиваль мо-лодежи в 1957 году... Я счастлив тому, что превратил то раннее стихотворение в ре-альность, став народным депутатом, и много раз выступая против унижавших до-стоинство наших людей, «выездных комис-сий», проверявших наших граждан на ло-яльность — пускать их за границу или не пус-кать. В том, что наши молодые люди уже даже не знают, что означает выражение «выездная комиссия», есть и моя лепта. Они уже не детки в клетке. Все зависит от них самих, кем они будут — озверелыми ксенофобами или мудрыми садоводами братства. У них не будет закомплексован-ности от чувства, что остальной мир укра-ден у них. Они могут его познать, не иде-ализируя и не демонизируя его. Они долж-ны понять, как много энергии нужно от бу-дущих поколений для возделывания наше-го земного шара. И если они приложат эту энергию, то у них в сердце не будет мес-та для скуки — одной из самых страш-ных совратительниц наших детей.